

Ирен Софи

Я - лекарство

СИМФОНИЯ НА ТРОИЦА

18+

Ирен Софи

Я - лекарство.

Симфония для троих

«Автор»

2026

Софи И.

Я - лекарство. Симфония для троих / И. Софи — «Автор», 2026

Я — эксперимент, моя аура — способна исцелять или убивать. Те, кто создал меня, хотят стереть мою сущность, как ошибку. Спасает тот, кому я нужна для исцеления брата. Цена? Моё тело. Моя близость. Моё согласие. Один — грубая сила, готовый сжечь галактику ради семьи, но не умеющий говорить о чувствах. Другой — чудовище с душой учёного, умирающий от вируса. Но я не просто ключ. Я — музыка, звучащая в хаосе. Между нами — связь, которую невозможно разорвать. Мы идём к сердцу тьмы. Ради любви.

© Софи И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	14
ГЛАВА 6	17
ГЛАВА 7	21
ГЛАВА 8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ирен Софи

Я - лекарство. Симфония для троих

Глава 1

Виктория

За стеклом лаборатории «Астриум» была ночь - здесь, на минус втором уровне, это ничего не значило, кроме того, что в коридорах становилось тише и охрана реже проверяла пропуск. Я любила эти часы. Только я, гул серверов и зеленое свечение мониторов, отражавшееся в темных стеклах шкафов с образцами.

В документах, как это обычно бывает в подобных делах, проект значился под названием «Феникс» - сухой эвфемизм для процесса изменения ДНК, запускаемого внешним воздействием, но на деле означавший, что где-то в мире уже есть люди, умирающие от рака, и именно мне предстоит это предотвратить. Как раз шел третий прогон симуляции, когда я заметила, что сигнал на дисплее мигнул один раз, а затем еще раз. Нахмурившись без особой уверенности, я всмотрелась в экран. И источник входа был не тот. Кто-то уже проник в базу данных сектора «Дельта», где хранилась информация обо всех экспериментах, проведенных за последние пятнадцать лет. Это был не один из терминалов, знакомых мне по «Астриуму». Я попыталась выяснить источник запроса. Он шел извне. Кто-то снаружи проник внутрь охраняемой зоны «Астриума» и уже скачивал информацию. Я потянулась к динамику, чтобы вызвать охрану, и в этот момент в лаборатории погас свет. С задержкой в несколько секунд зажглось аварийное освещение. Где-то в коридоре я услышала приглушенный стон и глухой шлепок тела, ударившегося о стену. Затем наступила тишина. А потом еще один похожий звук, но ближе. Я замерла на месте, прижавшись к перегородке между шкафами и зажав рот ладонью. Сквозь матовое стекло входной двери скользнула тень. Он был намного выше охранника.

Я метнулась к терминалу, залогинилась под своим допуском и попыталась вызвать блокировку сектора. Экран показал отказ. Кто-то уже перехватил управление системой безопасности изнутри - не взломал, а именно перехватил, будто у него были ключи от начала.

Мой взгляд упал на черную панель в дальнем углу. Красная полоса по ее центру тускло светилась. Протокол «Аннигиляция». Полное уничтожение всех данных сектора. Последняя мера. После нее меня уволят. Вышвырнут. Поднимут на уши всю безопасность «Астриума». Но сейчас это не имело значения. Я рванулась к панели, зацепилась за край стола, чудом устояла на ногах. Надо было успеть. Просто успеть.

Дверь в гермозону рассыпалась в облако серебристой пыли. И в проеме возникли трое. Больше двух метров ростом, в черных облегающих скафандрах. Материал не отражал свет. Шлемы гладкие, без единой щели. В руках никакого оружия в обычном смысле - только смутное марево, дрожащее вокруг сжатых кистей.

Я отпрянула. Спина уперлась в стол. В голове билась одна мысль - они пришли за моими исследованиями. Годы жизни. Годы одиночества, запертые в цифрах и формулах. Все, что у меня было. Я не отдам это. Я закричала и схватила первую попавшуюся вещь - тяжелую криогенную канистру. Швырнула ее в центральную фигуру со всей силы. Рука с туманным ореолом дернулась, и канистра, не долетев метра, разлетелась в облаке мгновенно замерзшего пара. Осколки со звоном посыпались на пол.

Бесполезно. В голову ударило отчаяние. Осталась только одна цель. Я метнулась вдоль стола. Один из солдат шагнул наперерез. Я схватила дисплей секвенатора со стола, швырнула его в стеллаж с образцами. Удар. Треск. Кислотный запах разлитых реагентов ударил в нос. Фигура на миг отшатнулась, шлем повернулся к источнику хаоса. Только миг. Но мне хватило.

Пол стал скользким от какой-то жидкости. Я поскользнулась, вытянула руку вперед, чуть не упав, и кончики пальцев коснулись поверхности панели. Под ладонью вспыхнул зеленый свет сканера.

«АКТИВАЦИЯ ПРОТОКОЛА «АННИГИЛЯЦИЯ». ПОДТВЕРДИТЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ВСЕХ ДАННЫХ СЕКТОРА «ДЕЛЬТА»», - произнес голос системы.

Я открыла рот, чтобы крикнуть «да». Что-то холодное уперлось мне в висок. Я замерла. Краем глаза увидела рядом с лицом гладкую черноту шлема. Передо мной была красная полоса на черной панели. Я вдохнула, и выпалила: «Подтверждаю». Ладонь легла на экран.

Это рванулось из самой глубины меня. Волна ослепительного света выплеснулась из груди, из глаз, из каждой поры. Она смыла все: стены, черных солдат. Свет наполнил все вокруг сиянием. В нем была сила. Нечеловеческая, первородная. И музыка - состоящая из пения звезд.

Я была этим светом. Я растворялась в нем, теряла границы, переставала быть Викторией. Я становилась этим золотым пламенем. В ушах поплыл гул, похожий на колыбельную. А потом - ничего.

ГЛАВА 2

ИТРИЙ

Командный мостик «Тени» тонул в полумраке - я давно привык беречь энергию на всем, что не касалось двигателей и щитов. Голографическая проекция Солнечной системы была единственным ярким пятном в этой темноте.

Я находился в центре командного мостика своего корабля и смотрел на голографическую проекцию Солнечной системы. Синий шар Земли мерцал вдалеке, безобидный и чужой. Здесь, на орбите Нептуна, среди колец астероидов и вечного мрака, мы прятались. Скрывались от Синдиката, который решил, что нашей расе, аэрионам, не место в галактике.

Когда-то у нас была своя система, свои два солнца, свои города, вырезанные прямо в скалах горного континента. Я помнил это как то, что давно перестало быть реальным, превратившись в набор образов, которые я доставал из памяти, только когда становилось совсем тяжело. Синдикат пришел под флагом «объединения видов», а закончил тем, что назвал нас угрозой галактической стабильности. Разница между «объединением» и «уничтожением» оказалась чисто формальной.

Над проекцией плавали данные - перехваченные шифровки Синдиката, карты патрулей, биологические показатели... И один, особый файл. Помеченный знаком бесконечности, переплетенной с молекулой ДНК. Ее файл. Землянки. Генетика. «Цель - нейтрализация аномалии, - прочел я. - Уничтожение образца «Виктория»». Они боялись ее. Значит, в ней было что-то важное. Что-то, что могло помочь мне. Последняя ниточка надежды. Автопилот вел «Тень» по расчетной траектории.

Я перечитывал этот файл уже в сотый раз, будто надеялся, что между строк появится что-то новое, чего я не заметил раньше. Возраст, специализация, место работы, список публикаций, засекреченных настолько, что даже заголовки были вымараны черными полосами. Синдикат не тратил ресурсы на нейтрализацию случайных людей. Если они выделили целое подразделение под одну землянку - значит, она была не просто гением. Она была угрозой их планам. А то, что угрожало Синдикату, могло оказаться именно тем, что было нужно мне.

Я был один. После последней стычки с патрулем Синдиката у пояса астероидов от моего экипажа остались только призраки да пятна засохшей на полу нашей крови.

Я прошел в свою каюту. Она была аскетична: койка, приваренная к полу, стеллаж с оружием, небольшой алтарь с кристаллом памяти. В кристалле, мерцавшем мягким золотистым светом, был запечатлен Элиана – моего младшего брат. Я положил ладонь на поверхность кристалла. Боль в груди сжалась в узел.

- Я ищу ее, брат, - прошептал я в тишину.

Кристалл вспыхнул. Ярким, ослепительно-белым светом. Он обжег ладонь. Я отдернул руку. Голос. Слабый, искаженный помехами, прорвался прямо в мое сознание. «Итрий... Времени нет... Часы... Счет пошел...»

- Элиан?! - крикнул я, вцепившись в край алтаря. - Где она? Дай координаты!

Но это был не прямой контакт. Это была запись. Послание, отправленное с запозданием, пробившееся сквозь все глушилки Синдиката.

«Нашел... сигнал... на Земле... Она... Музыка ее ауры... Я слышал... во сне...»

Голос прервался, перешел в звук. Звук плоти, изменяющейся против воли.

«Слияние... необходимо... Только слияние стабилизирует... Спаси ее... От них...»

Последние слова были уже почти неразличимы, пропитаны болью.

«Прости... брат... найди ее... мелодию...»

Свет в кристалле погас. Я отшатнулся. Перед глазами плясали черные точки.

«Часы... Счет пошел...» Значит, он еще борется. Мутация, которую запустили в брата агенты Синдиката, превращала его тело в чудовище, но его разум все еще не был поврежден. И он нашел ответ. Землянка. Виктория. «Музыка ее ауры». Что это значит? Какая музыка? Я понимал язык плазмы, космические войны и силу. Не музыку.

Я опустил на край койки. Всю жизнь я был тем, кто действует, а не тем, кто ищет смыслы в загадках. Элиан всегда был другим - тем, кто видел за формулами что-то большее, кто говорил про гармонию сфер и резонанс материи, пока я готовил оружие к очередному бою. Теперь эта разница между нами стала последней ниточкой, которая могла его спасти, и я не понимал ни слова из того, что он пытался мне сказать.

Синдикат. Они отняли у нас все. Родной мир. Будущее. Теперь они отнимали у меня брата, по кусочку, превращая его в кошмар. И они охотились на нее - на последнюю надежду. Миссия изменилась. Не просто найти ее. Теперь надо было спасти. Вырвать из лап Синдиката. А потом отдать Элиану. На «слияние». Каким бы оно ни было. Я выполняю свою миссию. Как всегда.

- Компьютер, - произнес я. - Рассчитать максимально быстрый курс к Земле. Обход всех известных патрулей Синдиката. Готовность к бою - постоянная.

«РАСЧЕТ ВЫПОЛНЯЕТСЯ. ОЦЕНОЧНОЕ ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ - СЕМЬДЕСЯТ ДВА ЧАСА».

У Элиана могли кончиться эти «часы». У нее - тоже. Я взял свой плазменный клинок, проверил заряд. Моя цель - девушка гений-генетик, двадцать пять лет. Жила в подземной лаборатории на Земле. В данных было упоминание о «вспышках неизвестной энергии». Это и была ее «музыка»? Я не знал.

Я вернулся на мостик, сел в кресло пилота и вывел ручную траекторию на главный экран, будто мог заставить корабль двигаться быстрее одной только силой мысли. За годы войны я научился не доверять расчетам компьютера полностью - они не учитывали того, что иногда решает все: удачу, отчаяние, готовность рискнуть последним.

Корабль содрогнулся. Отчетливый гул прошел по корпусу. Это был звук силового поля корабля-невидимки. На главном экране мостика, прямо между мной и проекцией Земли, материализовался силуэт. Угловатый, черный, как сама бездна. На его борту светился опознавательный знак - три переплетенных кольца. Знак Синдиката. Они нашли меня.

Тревога взревела. Красный свет залил мостик. Компьютер замерцал предупреждениями: **«ОБНАРУЖЕН КОРАБЛЬ ПРОТИВНИКА. ВЕДЕТСЯ ЗАХВАТ. ПОДГОТОВКА К ОТРАЖЕНИЮ АБОРДАЖА».** Так быстро. Они так быстро меня нашли. Они стояли между мной и Землей. Я зажал рукоять клинка. Плазменное лезвие с тихим шипением вырвалось на свободу, окрасив мое лицо в зловещее синеватое сияние.

- Нет, - прошептал я. - Вам меня не взять.

Я был преградой между Синдикатом и той, чья «музыка» могла спасти моего брата.

Раздался удар по внешнему шлюзу. Они ломали «Тень». Я принял боевую стойку. Гармонии здесь не будет. Здесь будет только бой. Скрежет разрываемого металла. Воздух на мостике завыл, срываясь в пробоину. Они вошли.

ГЛАВА 3

ЭЛИАН

Боль стала вселенной - без начала и конца, вечная и бездонная. Она заполняла каждый сантиметр того, что когда-то было моим телом: жила в костях, медленно меняющих форму, в мышцах, сжимающихся в чудовищные узлы, в крови, что густела и темнела, неся яд и обещание уродства. Мое сознание плавало в этом море агонии одиноким островком света - последним, что осталось от Элиана, ученого, аэриона.

Иногда мне казалось, что этот островок света уменьшается - с каждым часом, с каждой новой судорогой, перекраивающей мое тело заново. Я цеплялся за него, зная, что стоит разжать пальцы хоть на мгновение - и меня утянет вниз, туда, где нет уже ни мыслей, ни памяти. Только «Керберос». Только чужой геном, который хотел одного - переписать меня целиком.

Я лежал - нет, скорее существовал - в карантинной капсуле на заброшенной станции на Орее. Стены капсулы были прозрачны, и сквозь матовое стекло проступали смутные очертания лаборатории, залитой аварийным красным светом. Мой мир сузился до этого саркофага. До боли. И до воспоминаний. Они приходили вспышками, яркими и острыми. Вот мы с Итрием стоим на вершине Хрустальных Шпилей нашего дома, на Аэрионе. Ветер трепал наши волосы - светлые у меня, темные у брата. Он молчал, глядя на горизонт. Я показывал ему узоры в атмосфере, рассказывал о магнитных бурях и квантовой поэзии вселенной. Он кивал, не понимая ни слова, но слушал - потому что я его брат. Я помнил, как свет двух наших солнц преломлялся в гранях скал, рассыпаясь на тысячи маленьких радуг, и как Итрий, вечно хмурый и практичный, все равно останавливался посмотреть на это каждое утро, хоть и не признавался вслух, что это его трогает.

- Ты думаешь слишком много, Элиан, - говорил он с грубоватой нежностью в голосе.

- А ты чувствуешь слишком мало, брат, - смеялся я в ответ.

Это была ложь. Он чувствовал больше, чем показывал, - просто прятал это так глубоко, что даже я, редко мог достать до самого дна. А я думал, потому что не думать означало бы перестать замечать красоту, которая была повсюду, даже в разгар войны, даже когда небо над Аэрионом чернело от вражеских кораблей.

Сейчас я бы отдал все, чтобы услышать голос брата не через искаженную статику кристалла, а вот так, рядом. Чтобы он опять назвал меня мечтателем.

Другая вспышка памяти - бой. Патруль Синдиката настиг наше исследовательское судно. Я не был воином, я был ученым на борту, но когда первый луч плазмы пробил обшивку, я схватил образцы. Самые опасные. Экспериментальный штамм ретровируса, над которым мы работали, - созданный лечить многие болезни.

Ирония происходящего - я спасал лекарство, а получил оружие. Синдикат не интересовали исцеляющие свойства нашей работы - их интересовало, что можно сделать, если развернуть тот же принцип в обратную сторону. Превратить средство, дающее жизнь, в средство, отнимающее человечность. Создавать монстров.

Итрий сражался на корме, прикрывая отход выживших. Его силуэт в боевом скафандре, мечущийся в свете взрывов, - последнее, что я видел, прежде чем резкая боль пронзила спину. Шприц-дротик. Агент Синдиката вклинился на борт и вонзил его мне в шею - не убить, а заразить. Их новым оружием. «Керберос».

Я до сих пор помню его глаза - пустые, без тени сожаления, - и слова, переданные по короткой волне: «Цель достигнута».

Тьма пришла быстро. Сначала лихорадка. Потом боль в костях. Потом - изменения. Мутация оказалась живым кошмаром, переписывающим мой генетический код. Плоть переставала слушаться: росла в одних местах, сохла в других. Под кожей что-то двигалось. Я

чувствовал, как крепнет левая рука, наливаясь когтистой мощью, пока правая слабеет. Видел, как ногти темнеют и вытягиваются в изогнутые шипы. Слышал хруст собственного позвоночника, принимающего новую, нечеловеческую форму.

Хуже всего были не сами изменения, а те редкие промежутки затишья, когда тело на мгновение замирало, и я успевал взглянуть на себя со стороны. Я анализировал собственное уродство. Возможно, это и спасало рассудок - превращать ужас в данные. Меня превращали в чудовище. И самым страшным было то, что разум оставался кристально ясен - я осознавал каждое мгновение этого падения, запертый в собственном мутирующем теле. Зачем бороться, если итог - вот это? Но я боролся. Ради Итрия. Ради того, чтобы он не увидел меня окончательным монстром.

Когда боль дошла до предела, за которым хотелось просить о смерти, я услышал это. Едва уловимую ноту, пропетую в самой ткани пространства - она прошла сквозь боль, сквозь стены капсулы, сквозь пустоту космоса. Чистую. Совершенную. «Музыка сфер», - подумал я тогда, и мысль застряла в сознании, как заноза.

Я воспринял ее той частью себя, что оставалась аэрионом, восприимчивой к энергетическим полям живых существ. Но эта аура ни на что не походила. Гармония - странная, чуть диссонирующая, но цельная и невероятно мощная. Она исходила с третьей планеты желтой звезды. С Земли.

Земля. Молодая раса, едва вышедшая на порог космоса, полная противоречий и незрелой агрессии. Никто из аэрионов всерьез не рассматривал землян как источник чего-либо значимого, тем более - спасения. И вот теперь именно оттуда шел единственный сигнал во всей вселенной, способный перекрыть собой рев «Кербероса» в моей крови.

С этого момента боль отступила на второй план, уступив место одержимости - понять. Я направил на анализ сигнала весь усиленный мутацией интеллект. Измененные, слишком длинные пальцы дрожали, когда я через нейроинтерфейс капсулы подключался к уцелевшим станционным компьютерам, прогоняя данные через анализаторы.

«Керберос» действовал внутри меня как хаотичный генератор - рвал энергетику, искажал ее, толкал к распаду. Но аура этой земной женщины была его полной противоположностью. Стабилизирующей. Это была не просто «музыка» - это был единственный шанс, что у меня оставался.

Теория «Слияния» вспыхнула в сознании разом. Физическая и ментальная близость. Обмен энергией на самом глубинном уровне. Ее аура, сплетенная с моей, могла стать матрицей, способной перенаправить хаос «Кербероса». Возможно, не излечить меня - но дать контроль. Итрий должен был привести ее. Любой ценой.

Я понимал, что прошу невозможного - забрать человека с родной планеты ради спасения существа, которое не сможет предложить ей ничего, кроме собственной боли. Но отчаяние не оставляло места для раздумий.

Я чувствовал ее через миллионы парсеков, через половину вселенной. И когда на нее напали, я узнал об этом раньше любых сигналов - просто узнал. Ее аура полыхнула, ярко и коротко. Синдикат. Они хотели уничтожить ее как аномалию, как угрозу, - а она была единственным спасением. И, как я теперь понимал, ключом к чему-то большему, чем просто моя жизнь.

Я закрыл глаза и швырнул остаток искалеченного пси-потенциала туда, в темноту, где мерцал ее след. Безумная попытка - расстояние было слишком велико. Но боль и отчаяние умеют давать силу, которой неоткуда взяться. Я не знал, дошло ли послание. Силы иссякли, и боль снова накрыла - черная, неумолимая. Время истекало.

Где-то сквозь слои боли я уловил новый отзвук. Знакомый. Итрий принял мое послание. Он в пути. И следом - тонкая золотая нить. Она. Жива. Теперь им нужно было добраться до

меня - и посмотреть в лицо чудовищу. Мутанту, который все еще любил звезды и верил в музыку сфер.

- Спешите, - прошептал я в темноту. - Пожалуйста, спешите.

ГЛАВА 4

ИТРИЙ

Свет аварийных ламп заливал все кроваво-багровым. Сквозь пробоину в шлюзе, из которой торчали клочья разорванного металла, тянуло ледяным холодом открытого космоса, и сквозь него пробивался шипящий звук - плазменные горелки прожигали последние переборки.

Я слышал это сквозь гул собственной крови в ушах - безжалостный звук, с которым чужой металл пожирал мою обшивку. «Тень» была не просто кораблем. Это было последнее, что осталось от моего экипажа. И теперь кто-то вгрызался в нее так же, как «Керберос» вгрызался в тело моего брата.

Они были уже почти внутри. Я стоял в центре хаоса, и весь мир сжался до нескольких вещей: вес клинка в правой руке, холод рукояти бластера у бедра, дыхание, вырывающееся рвано и хрипло. Первый черный силуэт показался в развороченном проеме - броня Синдиката поглощала красный свет, будто перед мной была дыра в самой реальности. Солдат шагнул внутрь осторожно, держа наготове сгусток дрожащего марева вместо оружия.

Меня учили сражаться с людьми. С существами, у которых есть страх, усталость, инстинкт самосохранения. Эти солдаты не были людьми в привычном смысле - они двигались с точностью машин, без единого лишнего жеста. Я не знал, что скрывается под этой броней - модифицированные тела, импланты, или что-то еще более чуждое, - и в этот момент мне было все равно. Важно было одно - остановить их.

Я не стал ждать. Рывок - и клинок, синее плазменное жало, оставил в воздухе светящийся след. Солдат оказался быстрым: успел вскинуть руку, и марево вокруг перчатки сгустилось в полупрозрачный щит. Клинок ударил в него с визгом, рассыпая сноп искр. Щит треснул, но выдержал.

Отдача отбросила меня назад - и это спасло мне жизнь. Луч зеленоватой энергии, выстрел напарника, просвистел в сантиметре от виска, оставив на титановой стене глубокий оплавленный шрам.

Их было двое. Безмолвные, эффективные машины для убийства. Я откатился за центральную консоль, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле. Один на один я бы справился. Но двое...

Я быстро прикинул углы обстрела, количество зарядов в бластере на бедре. Ничего не сходилась в мою пользу. Оставалось единственное преимущество - я знал каждую консоль, куда толкнуть противника.

Элиан. Его последние слова, пропитанные болью: «Часы... счет пошел...» Он умирал там, на Орее, в одиночестве, в муках. А эти твари стояли между мной и его спасением. Нет. Этого не будет.

Мысль о брате действовала на меня сильнее любого стимулятора, который когда-либо вливали мне медики перед боем. Я представил его - искаженное лицо, тело, которое больше не подчинялось ему, и осознание, ясное и мучительное, что происходит с ним каждую секунду. Если я погибну здесь, никто больше не найдет землянку. Никто не долетит до Ореи. Он останется один, запертый в собственном кошмаре, пока «Керберос» не закончит свое дело.

Внутри вспыхнул гнев - обжигающий, слепой. Я не целился. Просто вылил всю ярость в серию выстрелов туда, где двигались тени. Один из солдат вскрикнул и рухнул - заряд угодил в щель между шлемом и наплечником.

Второй ответил шквалом огня. Плазменные разряды рвали обшивку, плавили экраны, взрывали панели управления. «Тень» содрогалась от ударов, как живое существо. Я прыгнул, кувыркнулся, чувствуя, как жар от пролетающих зарядов опаляет кожу на руках. Один заряд

достал левое плечо - броня выдержала, но рука на мгновение онемела, и клинок со звоном выпал из пальцев.

Я оказался на коленях, безоружный, перед черным гигантом, который приближался неторопливо, уверенно. Сквозь визор его шлема была видна только темнота.

Вот и все, Итрий. Не дошел. Не спас. От Элиана останется только оболочка чудовища.

В этой мысли было что-то более страшное. Я представил, как проходят дни, недели, а Элиан продолжает ждать сигнала, который никогда не придет. Продолжает верить, что брат летит к нему на помощь. Что-то внутри меня оборвалось - инстинкт, требующий защищать свою семью любой ценой. Из груди вырвался сдавленный рык. Я вскочил, не думая, - рука, которую только что пронзила боль, сама схватила обломок панели, острый, как нож, - и бросился на солдата.

Тот не ожидал такой дикой, самоубийственной атаки: его оружие было рассчитано на дистанционный бой, а не на ближний. Я влетел в него всем телом, повалив на пол. Броня звенела от ударов - мы катались среди искр и дыма, и я бил обломком по шлему, по шее, по сочленениям брони, слыша хруст и шипение. Его перчатка с оружием задела мой бок, и там вспыхнула адская боль, будто кожу содрали раскаленным лезвием. Я закричал - но не отпустил.

В такие моменты не существует стратегии, не существует расчета - только тело, действующее само по себе. Существовал только ритм - удар, рывок, еще удар. Из последних сил вогнал осколок титана в щель под его шлемом. Хрип, бульканье - тело подо мной обмякло. Я поднял голову, задышавшись, кровь текла по лицу вперемишку с потом. И тогда появился третий.

Его оружие смотрело прямо на меня. Уйти было некуда. Я взглянул в его безликий шлем и понял: это конец.

В этот миг «Тень» содрогнулась от удара - солдат на мгновение потерял равновесие, ствол дрогнул. Мой единственный шанс. Я метнулся к упавшему клинку, пальцы обхватили знакомую рукоять, и синее пламя вспыхнуло снова.

Солдат развернулся, но было поздно - я уже был рядом. Со всей оставшейся силой вогнал лезвие ему в бок, туда, где броня была тоньше. Он замер, а потом рухнул, медленно, как подкошенное дерево.

Я стоял, опираясь на клинок, как на костыль. Тело горело в десятке мест, в груди кололась смесь боли и облегчения. Три тела в черной броне. Дым. Разруха. Искалеченная «Тень». Но они были мертвы. А я жив.

Землянка. Она была на их корабле - том самом, что вцепился в мой борт, как пиявка. Я вытащил клинок из тела и, хромая, побрел к аварийному шкафу: спасательный трос, магнитные кошки, шлем с автономным запасом воздуха. Наскоро затянул повязку на самом глубоком порезе на боку.

Подождал к пробоине. За ней темнел борт корабля Синдиката, пристыкованного к «Тени» абордажными гарпунами - как клешня, сомкнувшаяся на добыче. Пройти по этим гарпунам, вскрыть чужой шлюз, найти ее среди экипажа, который наверняка уже знает, что их люди не вернулись. Чистое безумие.

Я взглянул на разрушенный мостик, на тела - а потом представил Элиана в его капсуле. Он верил, что я найду ее. Верил в меня. Я натянул шлем, звуки мира стихли, остался только звук собственного дыхания. Сжал клинок в руке.

- Я иду, брат, - прошептал я сквозь зубы. - Держись.

И шагнул в черный провал пробоины, в леденящий вакуум, навстречу вражескому кораблю. Моя миссия из «поиска» окончательно превратилась в «спасение» - и ради него я был готов пройти сквозь ад. А тот, судя по всему, начинался прямо за этой дырой в моем корабле.

ГЛАВА 5

ВИКТОРИЯ

Сознание неохотно возвращалось. Сначала не было ничего - ни света, ни звука, ни ощущения тела. Только странное, невесомое чувство, будто я - облако, развеянное по пустоте. Потом пришла боль.

Она началась с головы - тупая, раскатистая, будто кто-то методично бил в набат прямо у меня в черепе. Я попыталась пошевелиться, и боль отозвалась эхом в каждом суставе. Я лежала на чем-то твердом.

Я заставила себя открыть глаза. Мир плыл, расплывался, потом медленно собрался в картинку. Я была в камере - небольшой, четыре на четыре метра. Стены, пол, потолок из одного и того же матового серого металла, поглощавшего свет. Ни окон, ни решеток - только гладкая поверхность без единой щели или шва. Напротив - такая же стена, без двери. Единственный источник света - тусклая белая панель на потолке, дающая ровное сияние, от которого немедленно заболели глаза.

Я села, скривившись от боли. На мне была не моя одежда - простой комбинезон из грубой серой ткани, без застежек, без карманов. Как саван.

- Эй! - крикнула я. - Кто здесь? Выпустите меня!

Никакого ответа. Только тихий, едва уловимый гул, вибрирующий в полу. Я была на корабле. В космосе. В корабле тех существ в черном. Ксенос-Синдикат, как назвал их тот мужчина. Что они хотят? Зачем похитили? Вспомнились безликие шлемы, оружие из дрожащего воздуха. Они выглядели как палачи, которым безразлично, кого они казнят.

Внезапно часть стены напротив растворилась - без звука, без предупреждения. Просто исчезла, и на ее месте возник проем. В проеме стояла фигура. Одна. В той же черной броне, но без шлема.

Это была женщина. Лицо красивое, будто высеченное из льда. Высокие скулы, короткие пепельные волосы, гладко зачесанные назад. Глаза смотрели на меня без всякого выражения - как на образец в пробирке. Она вошла, и стена снова сомкнулась за ее спиной, став бесшовной.

- Виктория, - произнесла она. Голос был ровным, механическим, без единой интонации. - Ты проснулась.

Я отползла к дальней стене, вжалась спиной в холодный металл.

- Кто вы? Что вам от меня нужно? Где я?

- Ты - биологическая аномалия, - продолжила она, не замечая моих вопросов, и сделала шаг ближе. Ее движения были плавными, слишком точными, будто в теле не осталось ничего лишнего, ничего человеческого. - Несанкционированное генетическое отклонение. Угроза чистоте человеческого генома. И угроза стабильности.

- Что? Какая угроза? Я ученый! Я ничего не сделала! - голос сорвался на крик.

Женщина остановилась в метре от меня. Холодный взгляд скользнул по мне, будто сканируя.

- Твое энергетическое поле, - сказала она. - Аура. Оно не соответствует параметрам базовой человеческой модели. Оно активно. Оно привлекло внимание. И породило нестабильность.

Мне вспомнился золотой свет, вырвавшийся из меня в лаборатории. Та музыка, звучавшая где-то в самой глубине. Так это и было? Моя... аура?

- Я не понимаю, - прошептала я, и голос дрогнул.

- Понимание не требуется, - ответила женщина. - Требуется ликвидация. Ты будешь уничтожена. Как ошибка. Как брак в системе.

Слова повисли в воздухе. Уничтожена. Во мне все оборвалось - какой-то немой шок, будто меня выдернули из реальности и швырнули в абсурдный, жестокий кошмар. Всю жизнь

я пыталась что-то исправить, исцелить. А они видели во мне ошибку. Грязь, которую нужно стереть. Я сглотнула ком в горле.

- За что? - выдохнула я. - Я никому не сделала зла...

- Зло - понятие субъективное, - парировала женщина. Ее губы чуть дрогнули, но это не была улыбка - скорее, гримаса презрения. - Твое существование - объективная угроза. До прибытия на станцию у тебя есть время. Можешь подумать о бренности биологической жизни.

Она развернулась, чтобы уйти. Стена снова начала растворяться.

- Подождите! - я рванулась вперед, забыв про боль. - Мои исследования! Данные! Что с ними?

Женщина обернулась на пороге.

- Данные стерты. Твоя лаборатория уничтожена. От тебя не останется и следа, Виктория Малышева. Ты никогда не существовала.

И она вышла. Стена сомкнулась, оставив меня наедине с этим приговором.

Я опустилась на колени. Не останется и следа. Вся моя работа, бессонные ночи, надежды - все превратилось в пепел. И я должна была исчезнуть. Как ошибка. Я плакала от бессилия, от несправедливости, настолько чудовищной, что ее невозможно было осмыслить целиком - она просто перекачивалась внутри, тяжелая и глухая.

Время потеряло смысл. Страх сменился апатией. Что я могла сделать? Бежать? Куда - на корабле, затерянном в космосе? Сражаться? С теми, кто обращается с тобой как с насекомым на предметном стекле? Мысли о смерти были странно спокойными. Может, это и к лучшему. Конец кошмару. Конец одиночеству в лаборатории, которое теперь, издалека, казалось почти уютным по сравнению с этим.

И в этот миг, в самой глубине отчаяния, я снова это почувствовала. То самое тепло. Тот самый золотой отсвет где-то внутри. Слабый, еле заметный, как тлеющий уголек под пеплом. Но живой. Моя аура. Моя «аномалия». То, за что меня хотели убить. Я положила ладонь на грудь. Сквозь грубую ткань чувствовался ровный, упрямый стук сердца. Это было все, что у меня оставалось. Моя собственная, чужая, непонятная сила.

Нет. Мысль пришла внезапно, ясная и твердая. Нет. Я не позволю им стереть себя, как ошибку в расчетах. Если это мое «поле» и есть угроза... может, я и вправду что-то могу? Может, это не проклятие, а оружие? Последнее, что у меня осталось. Я вытерла слезы тыльной стороной ладони. Подняла голову и вгляделась в гладкую стену - не просто так, а пытаюсь ее почувствовать. Материал. Энергию, что ее питает. Будто взгляд мог просканировать металл насквозь. И случилось нечто странное. Там, где должна была быть просто стена, проступили слабые, едва заметные переливы - как тепловые волны над раскаленным асфальтом. Контур скрытого механизма. Линии силы. Я зажмурилась. Воображение. Галлюцинации от стресса, не иначе.

Но когда я снова открыла глаза, переливы никуда не делись. Я протянула руку, не касаясь стены. Ладонь заныла тупой болью, и от кончиков пальцев потянулись тонкие золотистые нити света. Они дрожали в воздухе, невесомые, касаясь контуров в стене. Внутри груди что-то часто, взволнованно забилося. Страх сменился почти пьянящим любопытством. Что это? Что я могу?

Внезапно корабль содрогнулся. Удар - мощный, от которого задрожал пол. Погас свет. На секунду воцарилась полная темнота, а потом замигали красные аварийные огни. Где-то далеко, сквозь толщу металла, донесся приглушенный грохот. Тревога. На корабле что-то происходило. Не запланированное.

Я вскочила на ноги, вжавшись спиной в стену. Золотое свечение на моих пальцах погасло, будто испуганное резким звуком. Что, если это атака? Другой корабль? Надежда кольнула где-то под ребрами. Но следующий звук убил ее. Это был не звук орудий. Это был звук силового поля, рвущего металл - скрежет, визг, а потом отдаленные выкрики. Ближе. Намного ближе. И звуки боя. Кто-то ворвался на корабль. И пробивался сюда.

Сердце ухнуло вниз. Не земляне. Это были другие - те, кто сражался с Синдикатом. А я была всего лишь грузом. Целью. Какой бы ни оказалась цель у этих новых игроков, вряд ли она была лучше, чем «ликвидация». Я метнула взгляд по камере. Укрыться? Негде. Бежать? Некуда. Осталось только одно - ждать. И смотреть, в чьи руки я попаду на этот раз.

Я сжала кулаки. Страх никуда не делся, но теперь к нему примешалась злость - молчаливая злость загнанного в угол зверя. Я не знала, на что способна. Но знала одно: если они думают, что я просто беспомощная добыча, они жестоко ошибаются. Кто бы ни вошел в эту дверь, он получит бой. Мой последний, отчаянный бой.

Звуки приближались. Топот. Еще один удар - на этот раз прямо по скрытому механизму моей двери. Стена вздрогнула. Прозвучало шипение плазмы, прожигающей металл. Они были здесь.

Дверь, или то, что было ее подобием, с треском распалась на части. В проеме, в клубах дыма и красном свете аварийных ламп, стояла фигура. Не черный солдат Синдиката. Это был кто-то другой. Высокий, в потрепанной, покрытой нагаром и царапинами броне темно-серого цвета. В одной руке - дымящийся плазменный клинок, в другой - пистолет. Шлем был расколот, и сквозь трещину виднелась часть лица: скула, подбородок, губы, сжатые в жесткую линию. Он тяжело дышал, плечи вздымались от усилия, будто он только что вырвался из самого пекла.

Мужчина шагнул в камеру. Взгляд, цепкий и внимательный, упал на меня. Мы замерли, глядя друг на друга: он - воин из кошмара, я - испуганная, готовая на все девушка. Он медленно опустил пистолет, но клинок не погасил. Голос, хриплый от напряжения, прозвучал в гулкой тишине камеры, перекрывая далекие звуки боя.

- Виктория?

Он знал мое имя. Значит, пришел именно за мной. Что бы это ни значило. Я выпрямилась во весь свой невысокий рост, стараясь не дрожать.

- Кто вы? - мой голос прозвучал тихо, но четко. - И что вам от меня нужно?

Его взгляд скользнул по моим кулакам, и усмехнулся.

- Я твой выход из этой ловушки, - произнес неизвестный. - Если хочешь жить - иди со мной. Сейчас.

Он протянул свободную руку. Как приказ. Как единственный шанс. Я посмотрела на его окровавленную руку. На лицо, наполовину скрытое разбитым шлемом. В его глазах не было обещаний спасения - только необходимость, срочность. И за его спиной - разрушенный проход, ведущий в неизвестность. Но это была хоть какая-то возможность. А здесь, в этой камере, ждала только смерть.

Я подошла к нему. Не взяла протянутую руку - просто остановилась в шаге, глядя ему прямо в глаза.

- Теперь бежим. Они уже опомнились, – произнес он.

Развернулся и шагнул в дымящийся пролом. Я последовала за ним. В хаос. Навстречу новой, еще более страшной неизвестности.

ГЛАВА 6

ИТРИЙ

Она стояла передо мной, и в ее глазах горел огонь. Не слезы, не мольба о пощаде, которые я ожидал увидеть у испуганной землянки, вырванной из привычного мира. Худая, почти прозрачная, она сжала кулаки, и на руках заплесали золотистые искры, что я видел в данных. Угрожала сжечь меня изнутри. И, черт возьми, я почти поверил, что она сможет.

«Договорились,» - выдавил я, чувствуя, как кровь сочится под броней на боку, а каждое движение отзывается тупой болью в плече. Времени на переговоры не было. Шум боя за спиной нарастал – они оправились от внезапности абордажа и теперь сжимали кольцо.

Я развернулся и шагнул обратно в коридор «Призрака» – так, по данным, назывался этот класс кораблей Синдиката. За мной, едва слышно ступая босыми ногами по холодному полу, последовала она.

Коридор был узким, освещенным тем же мертвенным красным светом. В воздухе висел запах гари, озона и чего-то сладковато-металлического – крови, возможно, их, а может, и моей. Тела двух охранников, которых я уложил на подходе к камере, лежали у стены. Я краем глаза увидел, как Виктория вздрогнула, увидев их, и отвернулась. Но не остановилась.

«Держись близко ко мне,» - бросил я через плечо, двигаясь быстрым шагом вдоль стены. Мой сканер на шлеме, показывал три метки, приближающиеся с перекрестка впереди.

Я прижался к выступу, махнул ей рукой, чтобы остановилась. Она замерла у меня за спиной. Я выждал секунду, пока первый черный силуэт появился в поле зрения, и выпустил короткую очередь из бластера. Солдат рухнул. Второй и третий ответили огнем. Заряды плазмы оставили на стене за моей головой оплавленные борозды. Я рискнул выглянуть, выстрелил наугад – и тут мое оружие щелкнуло, выдавая пустой заряд. Черт. Заряды кончились.

Один из оставшихся солдат понял это. Он выступил из-за укрытия, его оружие, сгусток искаженного света, было направлено прямо на меня.

И тут со мной что-то произошло. Резкая, пронзительная волна... Тревоги. Чужой, острой тревоги. Она ударила прямо в затылок, заставив меня вздрогнуть. Это была не моя эмоция. Это исходило от нее. От Виктории.

Я обернулся на мгновение. Она стояла, прижавшись к стене, глаза были широко раскрыты от ужаса, лицо побелело. И от нее, от ее сжатых кулаков, шла едва видимая дрожь в воздухе – та самая золотая аура. И эта ее паника, странным образом, рванулась ко мне, как ток.

В тот же миг солдат выстрелил. И я... я *почувствовал* выстрел. Нет, не увидел траекторию. Я почувствовал, как сгусток энергии, *их* энергии, рвется сквозь пространство. Это было отвратительное, визжащее ощущение, будто кто-то проводит ногтями по стеклу прямо у меня в мозгу. Мое тело среагировало само. Я рванулся в сторону, толкнув Викторию в нишу, и зеленый сгусток просвистел в сантиметре от моего шлема, оставив на стене глубокую вмятину.

Я не стал раздумывать, как это вышло. Используй то, что есть. Я поднялся на колено, и прежде чем солдат перезарядился, я метнул свой плазменный клинок. Не как метательный нож – я его *отпустил*. И, ведомый каким-то новым, странным чутьем, я на мгновение *представил* его траекторию, окрашенную в золотистый отблеск.

Клинок, обычно летящий по прямой, описал короткую дугу, обогнул край укрытия и вонзился солдату прямо в щель между шлемом и наплечником. Тот захрипел и упал.

Последний солдат отпрянул, его уверенность сменилась замешательством. Этого мгновения хватило. Я был уже рядом. Без оружия, только с этим новым, острым, чужим чувством, которое связывало меня с девушкой позади. Я выбил оружие из его рук ударом по запястью, услышав хруст, и следующим движением, ребром ладони в горло, повалил его на пол. Он забился, я навалился всем весом, нашел слабое место в броне на шее и, стиснув зубы, дожал.

Я поднялся, чувствуя, как дрожат руки. Я подошел к телу и вытащил свой клинок. Он был все еще горячим. Я обернулся. Виктория смотрела на меня. На клинок в моей руке. На тела вокруг. В ее глазах был глубокий, всепоглощающий шок. Она видела смерть вблизи.

- Ты... ты их всех... - она не договорила.

- Они убили бы нас, - отрезал я. - Здесь нет места жалости. Идем. Это не конец.

Я протянул ей руку. Она взглянула на мою окровавленную перчатку, потом медленно, будто сквозь воду, подняла на меня глаза.

- Кто вы? - снова спросила она, и в голосе была не только потребность знать, а отчаянная попытка уцепиться хоть за какую-то реальность в этом кошмаре.

Я снял разбитый шлем. Воздух в коридоре был спертый, пах гарью. Я видел, как она вглядывается в мое лицо. В шрамы, в пот и кровь, в глаза, которые, как я знал, были пустыми и жесткими.

- Итрий, - сказал я просто. - А теперь идем, Виктория. Пока у нас еще есть шанс вернуться на мой корабль.

Я повернулся и зашагал к тому месту, где пробил абордажный туннель. Она последовала. Молча. Ее босые ступни шлепали по полу. Я чувствовал ее взгляд у себя между лопаток. Чувствовал ее страх, ее смятение. Оно висело в воздухе, липкое и тяжелое, как туман. И часть этого тумана оседала во мне, мешая думать, заставляя нервы звенеть, как струны.

Мы вышли к месту стыковки. Развороченный шлюз «Призрака», обгоревшие края, и за ним – темный, зияющий пролом в обшивке моего корабля, «Тени». Внутри виднелось лишь черное ничто, прерываемое редкими искрами от поврежденных систем.

Я остановился на краю. Вакуум затягивал в эту черную дыру. Трос, по которому я пришел, все еще был на месте, но он болтался, поврежденный взрывами.

- Надо перепрыгнуть, - сказал я, оборачиваясь к ней. - Это три метра. Не смотри вниз. Просто прыгай. Я поймаю.

Она подошла к краю и заглянула в пролом. Внизу, в глубине, мерцали далекие звезды. Бесконечная, холодная пустота. Она отшатнулась, ее лицо стало землистым.

- Я не могу, - прошептала она. - Я не смогу.

- Сможешь, - я сказал твердо, глядя ей прямо в глаза. - Потому что альтернатива – остаться здесь. И они придут. И у них не будет причин тебя беречь.

Она зажмурилась. Я видел, как сжались ее челюсти. Как она боролась с собой. Как ее аура, этот золотистый ореол, который я теперь почти физически ощущал, сжалась в тугую, дрожащий клубок вокруг нее.

- Хорошо, - выдохнула она. Не открывая глаз. - Только... не отпускай.

Она сделала шаг назад, чтобы разбежаться. И в этот момент со стороны коридора донесся гулкий топот. Много топота. Подкрепление. Их было много.

- Сейчас! - крикнул я.

Она открыла глаза. В них был уже не страх. Было решение. Дикое, отчаянное.

Она разбежалась и прыгнула.

Я бросился вперед, на самый край, протянув руки. Ее тело, легкое и хрупкое, ударилось в меня. Я поймал ее, обхватив за талию, и сила ее прыжка, мое напряжение – все это чуть не сбросило нас обоих в пропасть. Я едва удержался, впившись ногами в неровности пола. Мы повисли над бездной, я держал ее, а она вцепилась в мою броню мертвой хваткой.

За спиной раздалась выстрелы. Заряды били по краю пролома. Времени не было. Я, не выпуская ее, оттолкнулся ногами назад, в черную дыру «Тени».

Мы полетели в темноту. Я прижал ее голову к груди, развернулся спиной к летящим обломкам и ударился о противоположную стену отсека своего корабля. Воздух вырвался из легких со стоном. Но мы были внутри. В моей «Тени».

Я откатился в сторону, выпустив ее. Она упала на пол, кашляя, дрожа всем телом. Я дополз до панели на стене и из последних сил ударил по ней. Аварийные щиты с шипением закрыли пролом, отсекая «Призрак» и выстрелы. Стало тихо. Только тяжелое дыхание и гул поврежденных систем.

Я откинулся на стену, закрыв глаза. Боль вернулась – во все стороны, огненными волнами. Я чувствовал каждую царапину, каждый ушиб. И сквозь эту боль – ее присутствие. Тихое, испуганное, но живое. Мы вырвались.

Когда я открыл глаза, она сидела на полу, поджав колени к груди, и смотрела на меня. В красном свете аварийных ламп ее лицо казалось изможденным, но глаза... глаза изучали. Смотрели на мой корабль, на меня, на свою свободу, которая пахла гарью и кровью.

- Мы... мы на твоём корабле? - тихо спросила она.

Я кивнул, не в силах говорить.

- А теперь что? - ее голос дрогнул. - Ты... ты тоже хочешь меня уничтожить?

Я посмотрел на нее. На эту девушку, которая угрожала сжечь меня, которая прыгнула в пропасть, чтобы выжить. В которой была сила, способная, как верил мой умирающий брат, спасти его. Спасти нас.

«Спаси ее... От них... И... от меня...» - эхом прозвучал в голове голос Элиана.

Я глубоко вдохнул, прогоняя слабость.

- Нет, - сказал я хрипло. - Не уничтожить.

Она чуть расслабилась, но недоверие в ее взгляде не исчезло.

- Тогда что? Зачем ты меня спас? Чего ты хочешь?

Я поднялся, опираясь на стену. Каждое движение давалось с трудом. Я подошел к ближайшему экрану, тронул его. Изображение прыгнуло – это была схема корабля, с множеством красных отметок «ПОВРЕЖДЕНО».

- Хочу, чтобы ты помогла спасти одного человека, - произнес я, глядя на схему, а не на нее. - Моего брата. Он умирает. И ты... ты единственный, кто может это остановить.

Я обернулся и встретился с ее взглядом. В нем было непонимание. Шок. И снова – настоятельность.

- Как я могу спасти твоего брата? Я врач, но... не знаю ваших болезней.

Я покачал головой.

- Это не болезнь в твоём понимании. Это... мутация. А ты... - я сделал паузу, подбирая слова, которые не звучали бы как безумие. - У тебя есть аура. Особая. Она может стабилизировать его. Через близость. Физическую и... ментальную.

Я видел, как слова доходят до нее. Как она бледнеет еще сильнее. Как ее глаза расширяются, сначала от непонимания, а потом – от ужаса.

- Близость? - прошептала она. - Ты имеешь в виду... секс?

Я кивнул. Одним резким движением головы.

Тишина в отсеке стала гулкой, звенящей. Она смотрела на меня, и в ее глазах медленно, но верно гасла искра надежды на спасение. Ее заменяло другое чувство. Отвращение. Предательство. Она поняла, что вырвалась из одной клетки, только чтобы попасть в другую. С более четкими, но не менее ужасными условиями.

- Ты... ты специально, - сказала она, голос стал плоским, мертвым. - Спас, чтобы... использовать. Как лекарство.

Я не стал отрицать. Не было смысла.

- Цена твоей жизни и моего спасения – твоя близость, - сказал я, и слова прозвучали как приговор. Ее и мой. - Без нее мой брат умрет. Без нее... у тебя нет для меня ценности, Виктория. И я верну тебя туда, откуда забрал.

Я сказал это. Жестко. Прямо. Как и должен был. Как солдат, выполняющий миссию. Но внутри что-то сжалось в тугой, болезненный узел, когда я увидел, как ее лицо исказилось от боли. Не физической. Той, что похуже.

Она медленно поднялась на ноги. Стояла, чуть покачиваясь, в своем робе, босиком на холодном полу моего корабля. Смотрела на меня. И в ее взгляде не осталось ничего. Ни страха, ни ярости. Пустота. Та самая, что жила во мне все эти месяцы.

- Я ненавижу тебя, - тихо сказала она. Без злобы. Констатация факта.

Я кивнул, снова поворачиваясь к экрану, скрывая от нее свое лицо.

- Ненавись. Это твое право. Но пока ты на моем корабле – ты будешь делать то, что я скажу. Завтра мы стартуем к нему. А сейчас... отдохни. Вон там отсек. Он твой.

Я не смотрел, пошла ли она. Я слышал, как ее босые ноги тихо шаркают по полу, удаляясь. Слышал, как щелкнул замок отсека.

Я остался один. В полуразрушенном корабле, с ранами на теле и новой, странной дырой где-то внутри. С чувством, что я только что стал тем, кого всегда ненавидел – тем, кто использует других как расходный материал. Но ради Элиана. Ради последнего клочка семьи.

Я посмотрел на свои руки. На них была чужая кровь. И, мне казалось, отблеск ее золотой ауры, которая теперь навеки будет ассоциироваться со страхом и предательством.

Мы вырвались. Но спасения не было. Ни для нее. Ни для меня.

ГЛАВА 7

ВИКТОРИЯ

Щелчок замка прозвучал как хлопок гильотины. Он отсек меня от него, от этого... человека-чудовища по имени Итрий. От кошмара, который только что стал новой реальностью.

Отсек был маленьким, без окон, почти таким же голым, как моя камера на корабле Синдиката. Спальная ниша, приваренная к стене, умывальник, тусклая световая панель. И почти полное отсутствие звуков, прерываемое лишь отдаленным гулом двигателей и легкой вибрацией под ногами. Это был звук полета. Звук того, что меня увозят. Неизвестно куда.

Я прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол. Обхватила колени руками, зарывшись в них лицом. Тело начало бить мелкой, неконтролируемой дрожью. Как будто все эмоции, все потрясения за последний промежуток времени наконец настигли меня, и я уже не могла их сдерживать.

Я плакала. Тихо, беззвучно, потому что рыдать не было сил. Слезы текли сами, горячие и соленые, оставляя мокрые пятна на грубой ткани. Я плакала от страха. От унижения. От беспомощности. От тошнотворного осознания того, что произошло.

«Цена твоей жизни... – твоя близость». Его слова эхом отдавались в голове, жгли изнутри постыдным огнем. Он спас меня. Вытащил из лап тех, кто хотел убить. И все лишь для того, чтобы предложить сделку. Мое тело в обмен на мою жизнь. Мое согласие на... на что? На «физическую и ментальную близость», чтобы спасти незнакомца. Лекарство. Вещь.

Я ненавидела его. Ненавидела эти пустые, жесткие глаза, в которых не было ни капли сожаления. Ненавидела его силу, с которой он ломал врагов, как спички. Ненавидела себя за то, что в тот момент, в коридоре, я чувствовала не только ужас, но и... благодарность? Облегчение, что он пришел? Какой же я была дурочкой.

Я вытерла лицо рукавом, но слезы не прекращались. Мысли метались, как пойманные в ловушку птицы. Что мне делать? Согласиться? Сама мысль вызывала отвращение. Позволить этому грубому, жестокому солдату... нет. Невозможно.

А отказаться? «Я верну тебя туда, откуда забрал». Его слова были не угрозой. Констатацией факта. Он бы сделал это. Без колебаний. Он был машиной, запрограммированной на спасение брата. А я – всего лишь ключ к достижению его цели. Ненужный ключ можно выбросить.

Я сконцентрировалась. Попыталась вспомнить то ощущение в камере Синдиката. Тепло. Силу. Золотые искры. Сначала ничего. Только внутренняя дрожь. Потом, где-то глубоко в груди, тлеющий уголек. Я уставилась на ладонь, представляя, как из нее вырывается свет. Секунда, другая... и тонкая, почти невидимая золотая нить дрогнула в воздухе, как мираж. Она была слабой, но она была. Моя сила. Та, что пугала Синдикат. Та, что нужна была брату этого изверга. Значит, во мне действительно было что-то особенное. Не просто я, Виктория Малышева, генетик-неудачница, работающая годами в подземной лаборатории. А нечто большее. Аномалия. Угроза. И...спасение.

Мысль пронеслась, как вспышка. А что, если... что, если я смогу это контролировать? Он сказал – «ментальная близость». Значит, это как-то связано с разумом? С эмоциями? Я вспомнила тот момент в коридоре. Его злость, мой страх... и как что-то странное пронеслось между нами. Как он уклонился от выстрела, которого не должен был видеть.

Я встала, пошатываясь. Подошла к умывальнику, открыла кран. Полилась холодная, без вкуса и запаха вода, рециркулированная, отвратительная как все на этом корабле. Я умылась, пытаясь смыть слезы, пот, ощущение страха и запах гари. Вода очистила, но не успокоила. Внутри все еще бушевала буря.

Я обошла отсек. Что я искала? Хоть какую-то информацию. Кто он? Что за раса? Куда мы летим, в какую часть вселенной? Я не знала. Я была слепым котенком, брошенным в дикий лес.

Мой взгляд упал на спальную нишу. На аккуратно сложенном одеяле лежала стопка одежды. Простая, но не грубая. Штаны из мягкого, серого материала, длинная туника, носки, легкие ботинки. Жест заботы? Или просто практичность – негоже «лекарству» ходить в рабочем комбинезоне?

Я переоделась. Ткань была приятной на ощупь. Ботинки сели по ноге. Это маленькое, простое действие – быть одетой в нормальную одежду – почему-то вернуло мне крупицу самоуважения. Я не вещь. Я человек. Даже здесь, даже теперь.

Я села на край ниши и уставилась на гладкую стену напротив. Страх никуда не делся. Но к нему начала подмешиваться другая эмоция. Любопытство. Проклятое, ученое любопытство. Что это за мутация у его брата? Как работает их биология? Что такое «аура» в их понимании? И главное – как работает МОЯ аура? Могу ли я ее изучить? Понять? И, возможно, использовать не так, как хочет он?

Это была опасная мысль. Мысль о сопротивлении. Но она давала точку опоры. Если я должна стать инструментом, то я буду умным инструментом. Я буду изучать. Наблюдать. Искать слабые места. В нем. В этой ситуации. В себе самой.

Я закрыла глаза, стараясь не думать о том, что ждет меня «завтра». Вместо этого я сосредоточилась на внутренних ощущениях. На том горящем уголке в груди. Я представила его как источник света. Маленькое солнце. Я попыталась мысленно «коснуться» его, не вызывая вспышку, а просто почувствовать его границы.

Сначала ничего. Потом – едва уловимая вибрация. Слабая, но отчетливая. Она совпадала с ритмом моего сердца. Моя аура. Моя... сущность.

Внезапно я почувствовала что-то еще. Не внутри. Снаружи. Тяжелое, темное, колющее облако... боли. Усталости. Оно висело в коридоре, давящее, как грозовая туча. Это был ОН. Итрий. Его эмоции, его состояние. Они просачивались сквозь стены, как радиация. Я ахнула и отшатнулась, разорвав хрупкую концентрацию. Ощущение исчезло. Но осадок остался. Это было реально. Я почувствовала его. Значит, «ментальная близость» – не просто красивые слова. Это был реальный феномен. И я начинала его ощущать, сама того не желая.

Сердце заколотилось в моей груди от трепета открытия. Это был неизвестный науке аспект биологии, психики, физики – всего! И он был во мне. Я была ходячей загадкой. И, возможно, ходячей угрозой для того, кто хотел меня использовать.

Я легла на узкую койку, укрылась одеялом. Ненависть к Итрию никуда не делась. Он думает, что приобрел покорное лекарство. Он ошибается. Он приобрел ученого. Пленника, который будет изучать своего тюремщика. Который будет искать не только способ выжить, но и способ... изменить правила. Я не знала, что буду делать, когда он придет за своей «ценой». Отказаться и умереть? Подчиниться и потерять себя? Ни то, ни другое меня не устраивало.

Я сжала кулаки под одеялом. Золотистые искры не появились, но я чувствовала, как тепло концентрируется в ладонях. Я могу что-то сделать. Должна. Я не позволю своей истории закончиться здесь, на этом чужом корабле, как история удобного инструмента. Снаружи, сквозь дверь, по-прежнему тянулось темное облако его присутствия. Он был где-то рядом. Чинил корабль? Готовился к прыжку? Думал о брате.

Я отвернулась к стене, зажмурив глаза. Я не хотела чувствовать его боль. Но факт оставался фактом: мы были теперь связаны. И его судьба, судьба его брата, как ни крути, зависела от меня. А моя судьба – от него. Это была адская сделка. Но пока я была жива, у меня был шанс. Шанс все повернуть по-другому.

Я уснула не сразу. Сны были беспокойными, полными золотого света и черных теней, летящих сквозь космос. И тихого, хриплого голоса, зовущего из самой глубины тьмы: «Найдите гармонию...»

Проснулась я от легкого толчка и изменения в гуле двигателей. Корабль менял курс. Вероятно, совершали прыжок через пространство. К его брату. И хоть я поспала, новый день

принес не облегчение, а сжимающийся, как удав, страх. Но он также принес и ясную мысль: нельзя сдаваться. И я, хоть и была пешкой, уже видела доску. Теперь нужно было понять, как по ней ходить.

ГЛАВА 8

ИТРИЙ

Тело требовало отдыха - раны ныли, мышцы сводило судорогой, перед глазами плавали красные пятна переутомления. Но стоило закрыть веки, как передо мной вставало ее лицо. То, каким оно было в последний миг, когда я произнес свои слова.

Не гнев. Не истерика. Пустота. Стеклянная, мертвая пустота, в которой утонула вся та искра, что горела в ней в коридоре «Призрака». Та, с которой она угрожала сжечь меня изнутри.

Я убил эту искру. Своей честностью. Своей жестокой, солдатской прямоотой. Я спас ее тело, но раздавил в ней что-то живое. Что-то, что, как я теперь смутно понимал, и делало ее той самой «Музыкой», которую искал Элиан.

Я сидел в командном кресле на мостике «Тени», вглядываясь в звездную карту. Ремонтные системы корабля, насколько могли, залатали пробоины, восстановили основные функции. Мы двигались к Орее. Курс проложен. Время до прибытия - около сорока часов.

Сорок часов, чтобы подготовить ее. Сорок часов, чтобы объяснить то, что я сам до конца не понимал. Сорок часов, чтобы смотреть в эти пустые глаза и чувствовать, как внутри разрастается что-то липкое и неприятное. Не вина. Я не имел права на вину. Я выполнял миссию. Вина - роскошь, которую позволяют себе те, у кого есть выбор. У меня его не было.

Я поднялся. Корабль гудел ровно, автопилот вел нас по расчетной траектории. Можно было отдохнуть. Но ноги сами понесли меня по коридору. К ее отсеку.

Я остановился перед дверью. Поднял руку к сенсору, замер. Внутри было тихо. Слишком тихо. Я не слышал даже дыхания.

- Открой, - приказал я системе. Дверь бесшумно скользнула в стену.

Она сидела на краю спальной ниши, одетая в ту одежду, что я оставил. Ботинки надеты, туника заправлена. Лицо спокойное, почти отрешенное. Только под глазами залегли тени - она тоже не спала. Или спала плохо.

При моем появлении она не вздрогнула. Просто подняла на меня глаза. В них не было ненависти. Не было страха. Не было даже любопытства. Только терпеливое ожидание. Как у пациента перед сложной операцией. Как у преступника перед объявлением приговора. Это было хуже ненависти. Ненависть - это чувство. Это жизнь. А здесь была пустота, которую я сам создал.

- Нам нужно поговорить, - сказал я.

Она кивнула. Один раз. Я вошел внутрь, но не стал приближаться. Остановился у двери, прислонившись плечом к косяку. Расстояние. Мне нужно было расстояние.

- Ты должна понять, - начал я, и слова давались тяжело, будто я вытаскивал их из груди крючьями. - Я не палач. Не монстр, каким ты меня, наверное, считаешь.

Она молчала. Смотрела. Ждала.

- Мой брат, Элиан... он умирает, - продолжил я. - Три месяца назад Синдикат атаковал наше исследовательское судно. Элиан - ученый, не воин. Он пытался спасти образцы, данные. Они окружили его и ввели «Керберос». Это ретровирус. Генетическое оружие. Он переписывает ДНК носителя, превращая его в... чудовище.

Я сглотнул. Горло пересохло. Образ брата, корчащегося в капсуле, всплыл перед глазами.

- Я видел, как это происходит. Медленно. Неотвратимо. Его тело меняется. Кости ломаются и срастаются заново, кожу покрывает хитин, ногти становятся когтями. Он теряет человеческий облик. Но разум... разум остается. Он в ловушке. В тюрьме из собственной плоти. И каждый день эта тюрьма становится все теснее.

Я замолчал.

- И ты думаешь, что я могу это остановить? - ее голос был тихим, но в нем прозвучал скепсис.

- Не остановить, - поправил я. - Стабилизировать. Его аура разрушается «Керберосом». Становится хаотичной, неконтролируемой. А твоя... твоя - гармонична. Структурирована. Он назвал это музыкой. Ваши ауры могут слиться, и тогда твоя станет каркасом для его. Не исцелит, но даст контроль. Позволит ему снова стать собой. Хотя бы отчасти.

Она отвела взгляд.

- Почему я? - спросила она. - Почему моя аура... такая?

- Мы не знаем, - честно ответил я. - Элиан считает, что это результат экспериментов на Земле. Синдикат уничтожил данные твоей лаборатории, но у нас есть перехваченные фрагменты. Ты не родилась такой. Тебя... сделали.

Она замерла. Медленно подняла на меня глаза.

- Сделали? - повторила она шепотом.

- «Проект «Феникс», - произнес я. - Генетическая коррекция. Ты работала над ним. Но ты не знала, что сама - его продукт. Тебе изменили геном до рождения. Ввели синтетические последовательности, активирующие латентные пси-способности. Ты - искусственно созданная аномалия.

Слова падали в тишину, тяжелые, как камни. Я видел, как они врезаются в нее. Видел, как рушится ее представление о себе. О своей нормальности. О своей жизни.

- Все, что я делала... - прошептала она. - Мои исследования, мои открытия... это была я? Я изучала себя?

- Возможно, - сказал я. - Мы не знаем деталей. Знаем только, что Синдикат считает тебя угрозой. И что ты - единственный известный нам носитель такой ауры. Единственный шанс для Элиана.

Она замолчала надолго. Я не торопил.

- И сколько это продлится? - спросила она наконец. - Эта... близость. Один раз? Два? До конца его жизни?

Я покачал головой.

- Мы не знаем. Элиан предполагает, что нужна регулярная синхронизация. Как подзарядка. Как... поддержание связи. Возможно, это будет длиться, пока живет он. Пока живешь ты.

- А если я откажусь? - спросила она, глядя мне прямо в глаза. - Если скажу, что не хочу быть ничьим лекарством?

Я выдержал ее взгляд. Это было тяжелее, чем бой с тремя солдатами Синдиката.

- Тогда ты бесполезна для меня, - сказал я. Голос был ровным, чужим. - Я верну тебя на «Призрак». Или высажу на ближайшей станции Синдиката. Выбор за тобой.

Ложь. Я не смог бы. Я знал это, произнося слова. Не смог бы снова отдать ее им. Но она не знала. И я заставил себя говорить так, будто это была правда.

Она сканировала взглядом, как рентгеном. И, кажется, что-то увидела. Что-то, чего я не хотел показывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.